

**“...Многие журналисты думают о своей гражданской миссии,
но боятся говорить об этом с посторонними”**

ДЛЯ ТОГО, чтобы адекватно оценивать практикуемые в современной российской журналистике “правила игры”, важно разобраться в тех смыслах, которые мы вкладываем в это понятие. И прежде всего необходимо выяснить, какое смысловое значение имеет здесь слово “игра”. Обычно словосочетание “правила игры” используется для обозначения этических регулятивов профессиональной деятельности. Говоря “игра”, все понимают, что речь идет не об игре, а о деятельности. Однако в современной журналистике не все так просто. Дело в том, что понятие “игра” как нельзя более точно обозначает суть одного тревожного этического и психологического явления, возникающего в условиях, когда журналист вынужден искать способы оправдания своего профессионального поведения, не отвечающего стандартным канонам.

Материалы проводившихся нашим Институтом исследований региональной прессы показывают, что в первые годы перестройки и примерно до 1993-1994 года многие региональные журналисты рассматривали свою деятельность как социально значимую, а себя - как реализаторов некоей социально значимой функции. Слово “миссия”, может быть, и не использовалось ими, но они были уверены: если мы напишем, что-то изменится.

Эта уверенность частично шла от прошлых времен, когда журналистика была не только средством пропаганды и агитации, но и инструментом социального контроля. Каждый журналист знал: если уж удастся протолкнуть критический материал, то оргвыводы будут обязательно. Предметом профессиональной гордости было: “Вот написал – и министра сняли”. Частично эта уверенность подпитывалась ситуацией первых лет перестройки, когда каждое слово журналистов было предметом горячего читательского интереса.

В любом случае журналист относился к тому, что он делал, как к социально значимой *деятельности*, а к себе – как к субъекту этой деятельности, а значит – социально значимому индивиду. И недостатки, и достоинства такого журналиста были деятельностны, журналист самореализовывался как личность. Конечно, в каждой редакции было два-три циника, которые делали абы что – отписывались и шли за бутылкой. Но большая часть рассматривали свою работу как служение.

Начиная с 1995 года возникает модель профессии как *игры* - журналист четко отделяет себя как личность от себя как профессионала. Мои личные взгляды, интересы, убеждения – это одно, а мои действия как профессионала – это совсем другое. Доведенное до логического конца такое развоение личности называется шизофренией. Но я говорю не о клинических случаях доктора Джекила и мистера Хайда, а о состоянии, когда журналист снимает с себя ответственность за свои профессиональные действия на том основании, что он сам к этим действиям относится не как к социально ответственной деятельности, а

как к забавной игре. Которая, к тому же, неплохо оплачивается. Если же кто-то относится к этой игре серьезно, то это его проблемы.

Моделью поведения такого человека является ситуация любой виртуальной войны. Когда взрослый, вменяемый человек расстреливает на компьютерном экране неких врагов, он совершенно отчетливо понимает, что за эти игровые действия он не может нести никакой ответственности. Вот так и некоторые журналисты “стреляют словами”, перевоплощаясь в этот момент в “себя-другого”. Это не “я – личность” написал, это “я – игрок” сочинил и отвечать за это не могу и не буду – вот образ мысли такого игрока.

Например, один мой знакомый журналист весело рассказывал: “Во время избирательной кампании я одновременно работал на Лебеда, Жириновского и на кого-то другого, кажется, на Гайдара”. Я спрашиваю его: “Как у тебя перо поднималось?”. Он отвечает: “Очень просто. Я играл несколько ролей. Роль номер один – сторонник Лебеда. Перевоплощаюсь, пишу про движение Лебеда, про его программу, статьи, о нем лично и т.д. Роль номер два – сторонник Жириновского. Выключаю себя первого, включаю себя второго. И так сколько угодно. А сверху сидит мое настоящее “Я” и смотрит, чтобы никто никому не мешал”. Я его спрашиваю: “У тебя шизофрениии случайно нет?”. Он отвечает: “Нет, потому что я контролирую себя”.

Этот милый парень рассматривает себя как совокупность игровых ролей, которые он должен хорошо сыграть. И он, как хороший актер, получает глубокое удовлетворение от того, как славно он сыграл эти разные роли. Журналист предъявлял самому себе алиби за безнравственное поведение – это не он писал материалы сразу за трех кандидатов, это была профессиональная игра: “Я играл, а с игрока какой спрос?”.

Так проявился в конкретной ситуации новый феномен журналистики: перевод личностной самоориентации в игровую, фиктивную форму жизнедеятельности. И “игровые” журналисты не просто спасались от шизофрениии, раздвоения личности, психологических конфликтов. Они еще и позволяли себе считать себя личностью. Игра как алиби. Но журналистка, по моему глубокому убеждению, – это не театр, люди – не зрители, а журналисты – не актеры.

Понятно, что, переводя себя в пространство игровой самореализации, журналист снимает с себя обязательство соблюдать правила *одной* игры. А ведь смысл любых правил игры в том, что они однозначно идентифицируют любую игру как данную, а не какую-то другую. Журналист-игрок игнорирует правила игры, если они не заложены жестко, в виде неумолимого закона, в механизм самой игры, а представляют собой некоторое добровольное соглашение. Отсюда полное безразличие российских журналистов к любым этическим и профессиональным кодексам, которые во множестве сочинялись, подписывались и тут же всеми нарушались.

Другой аспекты проблемы, о которой мы ведем речь, связан с внешним множеством профессиональных культур. Любая профессиональная деятельность осуществляется по неким правилам, принципам, нормам, любой журналист пользуется некими наборами внутренних или внешних регулятивов. Весь комплекс технологий,

принципов, идеальных образцов и, конечно же, этических и профессиональных правил, очерчивающих поле профессиональной деятельности, я и называю профессиональной культурой.

Проблема заключается в том, что в рамках развернутой, развитой, зрелой деятельности существует одна, может быть, две системы правил, отшлифованных десятилетиями (а иногда и столетиями) и являющихся очевидными, естественными, не требующими особой рефлексии. Такой была коммунистическая журналистика, таковы американская, британская пресса и т.п.

В сегодняшней же российской журналистике налицо множественность систем норм-правил-регулятивов и они сталкиваются между собой, взаимопроникают, мимикрируют, одна покрывается другой и т.п. В результате журналист находится в ситуации постоянного даже не выбора, а замещения правил игры. Например, начиная работать как журналист социально ответственный, он переходит на игровую форму деятельности и серьезную политическую передачу переводит в рамки клиповой культуры. Причины этому могут быть разные: возраст журналиста, его предыдущая работа в рекламе или попытка найти новую форму. В любом случае здесь совмещены разные системы “правил игры”

Итак, особенность сегодняшней ситуации, связанной с профессиональными и этическими нормативами отечественной прессы, прежде всего региональной (московской тоже, но тут уже есть несколько оформившихся с точки зрения общих правил групп), заключается, на мой взгляд, в том, что в ситуации множественности равномогущих комплексов правил игры журналист не может рассматривать себя носителем определенной, строгой, выверенной профессиональной культуры. Сегодня у российских журналистов нет единой профессиональной культуры. Они живут в каком-то переходном культурном пространстве, где главное – выжить, а для этого годятся любые средства, использование которых наверняка запрещено в рамках развитой профессиональной культуры.

Отсюда – мозаичность, несистемность профессионального поведения. В одной газете журналист увидел, как нужно делать заголовки, в другой – как выстраиваются тексты, в третьей – как используются рубрики. В результате складывается некий набор внутренних, неконсолидированных правил профессионального поведения.

ТЕПЕРЬ о проблемах взаимоотношений российской журналистики с гражданским обществом.

Я исхожу из того, что гражданским можно называть только такое общество, в котором сама структура отношений ориентирована так, что гражданин рассматривает себя как ведущую силу общественного жизнеустройства. Гражданское общество – это не просто набор механизмов, структур, институтов, а некий дух, позволяющий конкретному индивиду постоянно ощущать, что он значимый элемент общественной жизни, что все остальные структуры существуют для того, чтобы он жил и развивался, чтобы его единичный голос был значимым аргументом в выборе путей развития общества.

Это возможно только в том случае, если общество стоит на трех равновеликих и прочных опорах: авторитетной и профессиональной власти, мощном и хорошо структурированном гражданском секторе и свободных, независимых и ответственных СМИ. Ни одна из этих структур не должна подавлять или подчинять себе другую, и ни одна из них не должна снимать с себя ответственность за действия двух других и общество в целом. Любой перекося во взаимоотношениях этих трех социальных структур ведет к деструктивным процессам в обществе и вынуждает людей приспосабливаться к этим деструкциям и сочинять в оправдание своим приспособленческим действиям самые дикие теории и экзотические “правила игры”.

Что же происходит у нас? Так уж случилось, но в силу постоянной переходности состояния российского социума, именно СМИ, начиная с 1985-1986 годов взяли на себя функции гражданского общества. Можно сказать жестче – журналистское сообщество узурпировало право выражать цели, интересы, ценности, чаяния граждан. Узурпировало вынужденно, ибо не было никаких иных механизмов и структур, которые могли бы демократическим путем консолидировать мнение граждан, не было и нет до сих пор.

Однако в процессе реализации этой миссии СМИ породили для себя и общества серьезную проблему. Сегодня пресса по-прежнему выражает от имени населения его интересы, ценности, представления, при этом, как правило, вообще не обращаясь к населению. В советское время журналисты были вынуждены каким-то образом учитывать мнение граждан – в силу того, что от них этого требовали, вспомним хотя бы отделы писем в газетах. Сегодня такой работы почти нет. И пресса, полная самых благих намерений, постепенно перестала слышать мнения населения и стала рассматривать себя не как трибуну, а как голос гражданского общества. Население – само по себе, а пресса – сама по себе. Профессиональное сообщество, обслуживающее прессу, безусловно, относится к продвинутым социальным слоям, но может ли оно считать себя на этом основании голосом этого общества? Может быть, оно является голосом лишь самого себя?

К чему это привело? Главный редактор “Московских новостей” В.Лошак, выступая на одной из проводившихся нашим Институтом конференций, сказал: “На всех на нас лежит тяжелейший груз ответственности за несбывшиеся надежды наших читателей”. И в каком-то смысле он прав. Пресса говорила как о реальности о том, что было лишь возможностью. А потом люди, которые верили всем этим фантазиям сказали: “Ничего же нет: демократии нет, права нет, рынка нет – журналисты нас обманули”. На другой нашей конференции журналистка из Чебоксар почти кричала: “Я чувствую вину перед народом за то, что мы его завели не туда, за то, что мы дали ему несбывшуюся надежду”. Как видим, это ощущение личной ответственности возникло, но лишь у некоторых журналистов, все остальные продолжают исполнять свои роли и петь написанные для этих ролей сольные или хоровые партии.

Между тем, пока журналисты жили в счастливой иллюзии, что они-то и есть гражданское общество, в России возникал и формировался

“третий сектор”, то есть негосударственные, некоммерческие, неправительственные структуры.

По тем данным, которыми я располагаю, сегодня в России существует примерно семьдесят тысяч общественных структур, где граждане делают что-то общественно полезное: защищают рыбу в озере, протестуют против строительства какого-то завода, требуют экспертизы качества товаров, защищают свои интересы перед лицом власти (в России почему-то гражданское общество всегда ассоциируется с противостоянием власти). Как бы там ни было, эти объединения дают возможность людям ощутить собственную значимость, хотя бы в пределах объединения. И очень важно, чтобы этот “третий сектор” получил право голоса, которого у него пока нет. Еще важнее, чтобы пресса действовала в постоянном контакте с негосударственными организациями, другими структурами гражданского общества.

РАЗМЫШЛЯЯ о различиях в понимании своей миссии, профессиональных ценностей и “правил игры” московской и региональной прессы, должен сказать, что та удобная нравственная и профессиональная ниша, которую региональные журналисты занимали в постсоветские годы, начала разрушаться где-то в 1995-1996 годах. До 1995 года профессионально-этические нормативы, которые регулировали деятельность московской прессы и прессы региональной (я не беру здесь местную прессу, прессу районную – это вообще отдельный разговор, очень трудный, тяжелый), действительно существенно различались. Для московской прессы был характерен очень высокий интеллектуальный и профессиональный уровень, что давало ей основание рассматривать себя носителем истины о прошлом, настоящем и будущем российского общества.

Региональное журналистское сообщество смотрело на эти амбиции с двояким чувством. С одной стороны, конечно, была зависть – к уровню откровенности, роскоши мысли, масштабу профессионализма, который продемонстрировали очень быстро встроившиеся в новую ситуацию московские журналисты. С другой стороны, журналисты в регионах прекрасно понимали, что весь этот пир во время чумы, вся эта интеллектуальная роскошь по большому счету не нужны никому, кроме очень узкой московской тусовки. Региональный журналист знал, что люди, которые его читают, интересуются простыми земными вещами. Он именно об этих простых, земных вещах и писал. И поэтому рассматривал себя как человека, который стоит на земле, знает землю. Он укоренен, а они там, в столице – пустышки. Кстати, примерно то же самое происходило и с региональным политическим истеблишментом, да и сегодня эта тенденция осталась.

Агрессия, с которой региональные журналисты подчеркивали свою укорененность, говорила о том, что что-то неладно в их коллективном подсознании. Характерно, что все эти годы московские журналисты ни разу никаких инвектив в адрес региональной прессы не допускали. Московская пресса не критиковала региональную прессу. Она просто не обращала на нее внимания, что да – то да. На всех съездах, конгрессах в ответ на обвинения журналистов из регионов московские журналисты предпочитали отмалчиваться или, в лучшем случае, отшучиваться.

Начиная примерно с 1995 года противопоставление региональных и московского журналистских сообществ по этому принципу: мы укоренены, а они, прозападные, не имеют корней и прочее – начало терять смысл. Разделение пошло по другому критерию. Московская пресса стала все активнее сражаться с бизнесом, а региональная – с властью. И то, и другое не очень приятно, но если союз с бизнесом более или менее нов и психологически оправдан тем, что “так делают во всем цивилизованном мире”, то союз с властью, да еще “с этой властью”, да еще на фоне не совсем угасшей памяти о взаимоотношениях власти и прессы в советские времена, психологически оправдать российскому журналисту очень трудно. Психологически это невыносимая ситуация, потому что российский журналист в принципе не может быть союзником властей. А отсюда недалеко и до невроза. Или до разложения профессиональных этических нормативов.

Конечно, многие из журналистов это осознают. Отсюда вновь и вновь повторяющиеся бесплодные споры, главной мыслью которых является незамысловатое суждение о том, что можно и с властью дружить, и порядочным человеком оставаться, и хорошее дело делать. И горячность, с которой некоторые коллеги доказывают эту мысль, глядя куда-то сквозь тебя вдаль, где прячется невидимый оппонент, говорит о том, что проблема “свербит”, не дает спокойно спать.

Отсюда и нежелание говорить о миссии профессии. Услышав словосочетание “миссия журналистики”, многие коллеги начинают использовать ненормативную лексику или притворяются деревенским дурачком – какая такая миссия? Надо просто писать правду, надо передавать объективную информацию. Остальное – не наше дело.

В российском журналистском сообществе уже сложилась за последние десять лет отчетливая уверенность в том, что оно никому ничего не должно, кроме как давать добросовестную, объективную, правдивую информацию. Любые попытки сказать журналисту, что он, помимо предоставления информации, должен еще выполнять социальную миссию, вызовут внутреннее неприятие, и болеть этой болезнью неприятия журналистами любой миссии, видимо, придется очень долго.

Хотя я знаю, что многие журналисты давно уже задают себе сверх-вопрос: “Зачем мы все это делаем?”. Однако, если кто-то другой обратится к ним с таким вопросом, большинство не будет на него отвечать. Большая часть думающих региональных журналистов сейчас задают себе этот вопрос, но боятся об этом говорить с посторонними.

Значит ли это, что и не надо к ним “приставать” с этим вопросом? Нет, не значит. Ведь журналистское сообщество по-прежнему обслуживает достаточно мощный инструмент возбуждения гражданских добродетелей. Мы проводили социологическое исследование, показавшее, что значительное количество потребителей массовой информации ищет в прессе не только факты, но и оценки, и объяснения, и программы эффективного поведения. Как я уже говорил, в России пресса как бы узурпировала - в плохом или хорошем смысле слова - право быть голосом гражданского общества. Люди постоянно соотносят свое представление о жизни с тем, что было высказано в СМИ.

Российская же пресса пока не ощущает в полной мере свою ответственность за то, что выступает инструментом гражданского алиби. И потому можно и нужно говорить о миссии журналистского сообщества, о необходимости соответствовать этой миссии, о необходимости учитывать нужды гражданского общества и т.п.

Недавно мы провели в Москве научно-практическую конференцию “Региональная пресса России и структуры гражданского общества: сотрудничество во имя развития”. Перед участниками конференции была поставлена задача не просто сформулировать взаимные претензии и определить “болевые точки” взаимоотношений, но постараться выявить направления совместной деятельности, ориентированной на становление и развитие в России открытого гражданского общества.

В работе конференции приняли участие главные редакторы ведущих региональных СМИ, российские и зарубежные журналисты, политологи, специалисты в области массовых информационных процессов, представители структур гражданского общества.

Общий вывод, к которому пришли участники конференции, заключается в констатации того, что в регионах России идет количественное наращивание массы правозащитных, научных, просветительских, экологических, потребительских, иных общественных объединений и организаций, расширяется диапазон их деятельности, Однако качество этой деятельности оставляет желать много лучшего. И одним из важнейших способов повышения этого качества является сотрудничество структур гражданского общества и прессы, их совместное участие в крупных социальных проектах.